

МИХАИЛ О. ПИСКУНОВ

Тюменский государственный университет, Россия

ORCID: 0000-0003-3241-7356

**Антропология
социалистического плана, или
Ускорение времени по-румынски**
Рецензия на книгу: Cucu A. (2019)
*Planning labour: Time and the
foundations of industrial socialism
in Romania* (International studies
in social history; Vol. 32), New York:
Berghahn Books

308

doi: 10.22394/2074-0492-2020-1-308-317

Исследование обществ советского типа никогда не было простым делом. В прошлом — из-за барьеров Холодной войны и одержимости советских режимов политическим (если не полицейским) контролем над информацией, в настоящем — из-за культурной, дисциплинарной и эпистемологической зашоренности, которая заставляет исследователей игнорировать фундаментальные различия между рыночными обществами и их советскими двойниками.

Монография Алины-Сандры Куку «*Planning labor: Time and foundations of industrial socialism in Romania*» примечательна тем, что сочетает серьезное скрупулезное эмпирическое исследование и ам-

Пискунов Михаил Олегович — кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета. Научные интересы: позднесоветская социальная история, история труда в СССР, микроистория/история повседневности, культуральная история науки и технологий. E-mail: m.o.piskunov@utmn.ru

Mikhail Ol. Piskunov — PhD in History, Assistant Professor at Humanities Department, Tyumen State University. Research interests: Late-Soviet social history, labor history of the USSR, micro-history/Alltagsgeschichte, cultural history of Soviet Science and Technology. E-mail: m.o.piskunov@utmn.ru

бициозную попытку теоретического обобщения политической экономии «реального социализма».

Коротко описать проблемный интерес автора довольно затруднительно. Формально «Planning labor» — это исследование производственных отношений на уровне заводских цехов в городе Клуж послевоенной социалистической Румынии. Содержательно же интерес автора можно представить известным анекдотом.

1941 год. Советский пулеметчик из окопа поливает огнем наступающих немцев. Неожиданно пулемет замолкает. В окоп заползает комиссар:

— Боец, почему прекратил стрельбу?

— Товарищ комиссар, патроны кончились!

— Но ты же коммунист!

И пулемет застрочил вновь.

Анекдот, очевидно, абсурдистский, но обыгрывает известные идеологические импликации советского времени, когда предполагалось, что политическая сознательность при некоторых условиях может значить больше, чем материальные факторы. На производстве это проявлялось, например, в стахановском движении и его аналогах. На уровне идеологии — в лозунгах выполнить пятилетку в четыре года. Такой подход очевидным образом входил в противоречие с общефилософской марксистской риторикой советских режимов, которая напирала на первичность производительных сил по отношению к идейно-культурным особенностям. Алина-Сандра Куку спрашивает: что стоит за этим очевидным противоречием, и почему планирование советского типа принимало подобные парадоксальные формы?

309

Такая постановка вопроса чрезвычайно интересна. Существует немало работ по политической экономии советской системы. Большинство из них следует классическим подходам в политической экономии, согласно которым ее основной задачей является поиск фундаментальных социально-экономических тенденций. Самая известная и влиятельная на сегодня школа исследований политэкономии социализма — это школа последователей венгерского экономиста Яноша Корнаи [1990].

Корнаи и его ученики рассматривают экономики реального социализма как «экономики дефицита», в которых дефицит становится одним из структурных (и структурирующих) качеств любого предприятия. Взгляд Корнаи и его учеников — это взгляд классических экономистов, оперирующих абстрактными моделями и формализованными показателями. Такой фокус неизбежно ведет к предположению о существовании экономики как отдельной изолированной системы со своими законами, а явления культуры, идеологии или политики выпадают из рассмотрения. И это вопре-

ки тому, что претензия на качественный рост сознательности масс в масштабах страны была для обществ советского типа главным способом обосновать возможность и историческую эффективность директивного планирования.

Алина-Сандра Куку подходит к этому вопросу со стороны труда. Для нее румынский план 1949-1955-х годов — это не абстрактная юридическая схема, а социальная система производства и накопления благ, в которую должен был встраиваться труд. Но труд в обществах советского типа имел двойственную природу. С одной стороны, был рабочий класс — рабочие фабрик и заводов, от пота, крови и сноровки которых зависело достижение или провал плановых показателей. С другой стороны, те же самые рабочие были одновременно гражданами народной республики и носителями авангардного политического сознания, от имени которых правила Румынская рабочая партия. Политическая и экономические сферы жизни, фетишизированные в капиталистическом обществе как отдельные друг от друга, в СССР и странах народной демократии открыто позиционировались как действительное единство. Наглядное пространство этого единства — социалистическая фабрика. А значит, и социалистический план не был лишь набором экономических указаний, а имел двойственную или даже тройственную природу в качестве задач производства, задач проявления преданности рабочим режиму, а в неясной временной перспективе также и задач достижения коммунизма.

310

Монография состоит из двух частей: первая часть посвящена режиму труда на румынских фабриках, отношениям рабочих с цеховым и заводским начальством в Клуже после войны и во время первого пятилетнего плана. Во второй части автор анализирует румынское планирование как практическую интеллектуальную деятельность, а также «вшитые» в эту деятельность идеологические предпосылки.

Первая часть работы Куку лежит в русле новой истории труда с ее фокусом на рабочем классе как на гетерогенной социальной категории и на специфике рабочих мест, производящих эту гетерогенность. Помимо классиков вроде Эдварда Томпсона автор следует за крупными исследователями восточноевропейского социализма и рабочего класса, такими как Альф Людтке, Дональд Филцер, Майкл Буравой, и за новым поколением историков этого направления вроде Марка Питтэвея [Thompson 2013 [1963]; Людтке 2010; Filtzer 1992; 1994; 2002; Pitteway 2012]. Фактически то, что Куку видит на румынских фабриках после войны, мало отличается от зафиксированных указанными выше авторами явлений: дефицит и неритмичность поставок, острая нехватка рабочей силы, а как следствие — неровный ритм работы производства.

Новаторство автора в том, что она предлагает смотреть на национализацию производства в послевоенной Румынии как на продолжительный процесс преобразования трудовых и политических отношений в промышленности. Мало было простым росчерком пера от имени нового социалистического правительства 11 июня 1948 года сделать заводы государственными. Этому предшествовал длительный процесс создания партийных организаций на производстве, подчинения профсоюзов политической воле, подбора новых руководящих кадров на фабриках. За актом о национализации промышленности последовала продолжительная борьба за подчинение рабочих и их линейных руководителей решениям плановых органов. Борьба подразумевала в том числе трансформацию отношений найма: большинство рабочих как в Клуже, так и по всей Румынии к началу 1950-х годов были переведены на сдельную систему, что вело к понижению их зарплаток.

Концептуализацию этого процесса автор находит у советского экономиста Евгения Преображенского, пытавшегося дать теоретическое обобщение опыту НЭПа в Советском Союзе. Преображенский называл начавшийся после революции процесс периодом первоначального социалистического накопления капитала и полагал, что источником для вложений в основные фонды на этом этапе должно быть сознательное самоограничение рабочих. Эта идея была перенята Сталиным, а затем более или менее сознательно внедрялась румынами в рамках их рецепции советского опыта создания и управления плановой экономикой. Для рабочих послевоенная индустриализация означала, что расценки за их работу оставались неизменными, в то время как нормы выработки росли. Более того, сдельщина в сочетании с неритмичностью работы фабрик дополнительно понижала доход квалифицированных рабочих, которые часть своего времени бесплатно проводили в цехах в ожидании поставок ресурсов.

Это, естественно, вело к недовольству рабочих, понижению их мотивации к труду и усиливало текучку рабочей силы. Рабочие стремились наняться в основном на предприятия тяжелой промышленности, которые получали особую поддержку от центрального правительства и могли предоставлять своим работникам широкий спектр внеденежных бонусов (жилье, продукты, социальные лифты, льготы для образования и здравоохранения и проч.). Текучка рабочей силы вела к ее нехватке в цехах, нехватка — к понижению производительности труда, в то время как рост последней считался (и закладывался) румынскими плановиками, вслед за их советскими коллегами, основным способом выполнить план.

В попытке удержать рабочую силу на предприятиях Клужа административное и партийное руководство заводов стремилось привлечь на работу многочисленных сезонных рабочих из сельской

местности, которые в течение года перемещались между городом и деревней. Осознавая ситуацию, руководство Румынии откладывало процесс коллективизации в деревне, поддерживая ее в подвешенном состоянии источника отходов. Это в свою очередь вело к размыванию рабочего класса в Клуже, где небольшое ядро квалифицированных городских рабочих отныне было окружено массой неквалифицированных выходцев из села.

Описанная дихотомия дополнительно осложнялась национальными и гендерными аспектами. Во-первых, городские рабочие Клужа в основном были венграми, исторически принадлежавшими католической или лютеранской церквям, в то время как сельские жители оказывались православными румынами — обстоятельства, которые атеистический актив и руководство Румынской рабочей партии были вынуждены учитывать. Во-вторых, румынский социализм прикладывал большие усилия для привлечения женской рабочей силы в промышленность. Получалось, что, хотя на дискурсивном уровне сознательные пролетарии новой Румынии представлялись квалифицированными мужчинами из городов, в действительности «руки, строившие социализм», в значительной степени принадлежали переехавшим из деревни полуграмотным женщинам. Эта масса рабочих воспринимала фабрику, скорее, как пространство для реализации различных стратегий выживания, нежели как пространство строительства социализма и нового человека. Соответственно они скорее игнорировали тактики и стратегии руководства по перевыполнению плана и политическому привлечению рабочих в расширенные структуры румынского государства. И, наоборот, наиболее чувствительных к политической пропаганде квалифицированных рабочих складывающийся на фабриках режим труда, скорее, не устраивал, а иногда приводил к конфликтам в цехах.

Последний факт имел для руководителей фабрик критическое значение, так как для их карьеры даже провал плана был не так важен, как открытое проявление недовольства рабочих, от имени которых Румынская рабочая партия осуществляла властные функции. Изменить политику государства по отношению к румынской индустриализации за счет рабочих линейное и цеховое руководство было не в состоянии. Зато оно могло с пониманием относиться к производству брака ради получения премий за вал, сезонному появлению части людей на рабочем месте (во время сева и жатвы до половины рабочих заводов Клужа уходили в деревню), воровству и алкоголизму на предприятиях и прочим индивидуальным способам поддержания фабрики в относительном политическом спокойствии. Это дополнительно ухудшало ритмичность работы и поставок полуфабрикатов смежникам, а на выходе получалась известная «экономика дефицита». Таким образом, в первой части своего труда

Куку сумела дать конкретное историческое наполнение абстрактной модели Корнаи. Дефициты экономик советского типа были не структурными безличными особенностями социалистического плана, а цепью воспроизводящихся последствий определенной политики в отношении труда.

Если первая часть монографии, вероятно, вызовет интерес в основном у историков труда и экономики социализма, то вторая будет полезна всем социальным исследователям. Социалистическое планирование как процесс и как деятельность в изложении автора предстает чем-то вроде магии, так как содержащиеся в плане слова и показатели должны были обладать перформативной силой. Впрочем, так дело обстояло только на первый взгляд. И советским плановикам, и ориентировавшимся на них румынским коллегам было прекрасно известно, что мало дать фабрикам контрольные цифры продукции — появлению этих цифр предшествует кропотливая политическая и даже исследовательская работа. В этом месте Куку вступает в дискуссию с антропологом Джеймсом Скоттом.

Скотт [2005] в своей самой известной работе на многочисленных кейсах XX века препарирует преобразовательную деятельность того, что он называет «государством высокого модернизма», и приходит к выводу, что эта деятельность имеет по большей части трагические последствия для миллионов людей, структуры сообществ и окружающей среды. Корень проблемы, по его мнению, в том, что модернистское государство (будь это капиталистические Соединенные Штаты, социалистический Советский Союз или постколониальная Танзания) во имя императива экспертной рациональности склонно подменять партикулярную сложность традиционных сообществ и традиционной экономики собственными упрощающими моделями. Таким образом вырабатывается ошибочная политика, которая затем продавливается всей мощью государственных институтов.

Куку же демонстрирует, что планирование социалистического государства советского типа, по крайней мере в городах, серьезно отличается от нарисованной Скоттом картины. По ее мнению, в процессе планирования румынское социалистическое государство одновременно выступало в качестве учителя-менеджера и исследователя-этнографа. Эта позиция была связана со спецификой советского восприятия тейлоризма. Как известно, идеи Тейлора о научной организации процессов индустриального труда нашли широкое и восторженное применение в СССР едва ли не одновременно с США. На Западе тейлоризм сразу столкнулся с ожесточенным сопротивлением профсоюзов, лидеры которых идентифицировали его как один из способов подорвать органические власть и знания рабочего класса в цехах. На Востоке партийные активисты и идеологи убеждали рабочих, что совместная работа с инструкторо-

рами гостевого Института труда отвечала их общим интересам, так как повышение производительности труда приближает социализм. Скорее всего советские рабочие тоже трудно поддавались убеждению, поскольку советская производственная практика в ходе сталинской индустриализации выработала особый способ разрушить солидарность в цехах — стахановское движение. Стахановцы и аналогичные им «передовики», согласно пропагандистским заявлениям, выделявшиеся из общей рабочей массы высокой политической сознательностью и передовыми методиками работы, должны были демонстрировать каждому отдельному рабочему, какие блага ждут лично его, если в своей работе он будет опираться не на доверие коллектива, а на партийную организацию предприятия и его руководство. Отсюда многочисленные советские «методы» рационализации производства.

314

Промышленность довоенной Румынии была относительно небольшой, а ее организация архаичной, поэтому тейлоризм румынские рабочие и руководители осваивали уже только в советской рецепции. Политические лидеры Румынии никогда не скрывали, что действуют в условиях экономической отсталости, поэтому педагогическая функция обучения рабочих передовым методикам с двойственной целью увеличения производительности и контролируемости труда выходила на первый план.

Этот аргумент подтверждает мысль Скотта о том, что социалистические государства — разновидность государств «высокого модернизма». Однако параллельно румынские плановики и руководители были убеждены в наличии «скрытых резервов производительности» у рабочих. Соответственно они требовали от фабричных администраторов и партийных активистов исследовать поведение рабочих, вникать в тонкости личных, семейных и коллективных конфликтов, искать любую возможность поставить дело так, чтобы производительность повысилась. Для историка такой подход примечателен на уровне источников: если заводская администрация отправляла по инстанциям в основном количественные отчеты, то от партийных комитетов требовали качественного анализа ситуаций, приведения и обобщения нарративных примеров. Более того, существовали специальные инструкции, которые обучали партийных активистов тому, что сегодня можно было бы назвать качественным анализом этнографических интервью. Правившая от имени рабочего класса партия знала о многочисленных режимах власти и знания в цехах и пыталась ради своих целей черпать знание и из этого источника, что противоречит схеме Скотта о грубых внешних схемах модернистских государств советского типа. В этом смысле советские плановики скорее следовали афоризму Маркса о воспитателе, который сам должен быть воспитан.

Помимо двойственности процесса планирования для плановика или руководителя, Куку интересует и его форма: для рабочего планирование представляло в виде изменения собственной темпоральности. Для того чтобы раскрыть в себе скрытые резервы производительности, социалистический рабочий должен был обрести высокую политическую сознательность и буквально начать, если и не жить в будущем, то хотя бы «из него» работать. Автор приводит примеры хвалебных сообщений из клужских заводских газет, которые описывали стахановцев, выполнявших в конце 1953 г. производственную норму на середину 1954-го. Автор книги справедливо задается вопросом, почему в странах советского типа план доводился до общества, в том числе до отдельных рабочих, не в деньгах, не в натуральных показателях, а в терминах времени, в лозунгах выполнения пятилетки за четыре года?

Возможный ответ состоит в том, что регулирование темпоральности позволяло более эффективно ставить под контроль партии и государства рабочий процесс в цехах. Получалось, что помимо национальных, гендерных и прочих границ трудовые коллективы разъединялись по времени, в котором жили их члены. Стахановцы и ударники труда вместе с политическими лидерами находились в авангарде, одной ногой в коммунизме. Квалифицированные городские рабочие так или иначе выполняли нормы и были лояльны государству, но все же жили лишь настоящим. Колхозники, сельские сезонные рабочие, кочующие цыгане воспринимались партийно-государственной машиной как существующие в прошлом, чем объяснялась их озабоченность стратегиями только личного и семейного выживания. Именно расслоение темпоральности иллюстрирует анекдот из начала нашей рецензии: раз коммунист уже существует в будущем, то ему не составит труда найти скрытые источники недостающих патронов для победы в настоящем.

Недостатки монографии проявляются там, где автору нужно дать теоретическое обобщение собранному материалу. Работа, внимательная к деталям, богатая наблюдениями и локальными концептуальными моделями, ближе к концу начинает распадаться на отдельные сюжеты. Основной теоретический ход автора — применение концепции несинхронности (*Ungleichzeitigkeit*) Э. Блоха к социалистической Румынии. Блох объяснял несинхронностью появление фашизма в Германии, где передовые производительные силы в экономике соседствовали с отсталыми политическими формами вроде милитаристского пруссачества и романтического национализма. Несинхронность же в Румынии стала возможной из-за того, что социалистический режим в первые пятилетки тормозил коллективизацию в сельской местности, тем самым используя деревню как резервуар неквалифицированной рабочей силы для штурмовщины

на заводах и как полулегальный источник средств к существованию для городских рабочих.

Куку вспоминает, что похожий аргументативный ход использовали Р. Люксембург, теоретики зависимости и сторонники мир-системного подхода для объяснения одновременного сосуществования в рамках глобального капитализма высокоразвитых обществ типа североамериканского и отсталых обществ глобального Юга. Отсюда можно сделать вывод, что капитализм и социализм советского типа использовали схожие способы накопления и сущностно схожи. Однако для подобного вывода отнюдь не требуется столь фундаментального исследования политической экономии социализма на цеховом уровне¹.

Думаю, что для финального обобщения автору стоило еще серьезнее подойти к политической части политической экономии, а именно обратиться к анализу политических установок обществ советского типа. Само по себе указание на советский продуктивизм и использование комбинированного развития в интересах плановой экономики не является чем-то фундаментально новым. Новым и перспективным для историографии могло бы стать внимание Куку к двойственной природе социалистического рабочего, который одновременно был и резервуаром рабочей силы (объектом), и носителем передового политического сознания (субъектом).

316

Удерживая этот фокус, автору удалось объяснить выстраиваемую в румынском госплане связь между политическим сознанием и производительностью труда. Если этот фокус расширить до экономической роли политических институтов обществ советского типа — Коммунистической партии, комсомола, женских, национальных, профессиональных и прочих союзов, — это могло бы осуществить некоторый прорыв в историографии и поставить политическую экономию обществ «реального социализма» с головы на ноги.

В конце концов, если мы признаем, что императив политизации (и идеологизации) всех сторон жизни был для Советского Союза и его союзников не только ключевой идеологической установкой, но и реальным ориентиром для принятия основополагающих решений, то мы не вправе представлять политическую экономию этих обществ как совокупность экономических законов и тенденций, безличных, безразличных и внешних по отношению к сознательным субъектам, ведущим экономическую деятельность. Последний же подход есть не что иное, как фетиш политэкономии капитализма.

1 За почти семьдесят лет появилось множество работ критиков советского проекта слева с попытками отождествить советскую плановую систему с государственным капитализмом [Cliff 1955].

Библиография / References

Корнаи Я. (1990) *Дефицит*, М.: Наука.

— Cornai J (1990) *Shortage*, М.: Science. — in Russ.

Людтке А. (2010) *История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти*, М.: РОССПЭН.

— Luedtke A. (2010) *Alltagsgeschichte in Germany: new approaches to study labor, war and power*, М.: ROSSPEN. — in Russ.

Скотт Дж. (2005) *Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты по улучшению человеческой жизни*, М.: Университетская книга.

— Scott J. (2005) *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. М.: University Book. — in Russ.

Burawoy M. (1985) *The politics of production: Factory regimes under capitalism and socialism*. London: Verso Books.

Cliff T. (1955) *Stalinist Russia: A Marxist analysis*, London: M. Kidron.

Filtzer D. (1994) *Soviet Workers and the Collapse of Perestroika: The Soviet Labour Process and Gorbachev's Reforms, 1985-1991*, Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Filtzer D. (1992) *Soviet workers and de-Stalinization: The consolidation of the modern system of Soviet production relations, 1953-1964* (Soviet and East European studies; 87), Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Filtzer D. (2002) *Soviet workers and late Stalinism labour and the restoration of the Stalinist system after World War II*, Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Pittaway M. (2012) *The Workers' State: Industrial Labor and the Making of Socialist Hungary, 1944-1958*. University of Pittsburg Press.

Thompson E. (2013 [1963]) *The making of the English working class*. M. Kenny. (ed.), N.Y.: Penguin modern classics.

317

Рекомендация для цитирования:

Пискунов М.О. (2020) Антропология социалистического плана, или Ускорение времени по-румынски. Рецензия на книгу: Cucu A. (2019) *Planning labour: Time and the foundations of industrial socialism in Romania*, New York: Berghahn Books. *Социология власти*, 32 (1): 308-317.

For citations:

Piskunov M.O. (2020) Anthropology of the Socialist Plan or Romanian Time Acceleration. Book Review: Cucu A. (2019) *Planning labour: Time and the foundations of industrial socialism in Romania*, New York: Berghahn Books. *Sociology of Power*, 32 (1): 308-317.

Поступила в редакцию: 06.02.2020; принята в печать: 19.02.2020

Received: 06.02.2020; Accepted for publication: 19.02.2020